

KI 154

КОНДИТЕРСКАЯ ФАБРИКА "РУССКИЙ ШОКОЛАД"

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ НА ОБЪЕКТЕ

КАРУСЕЛЬ

ИЗДАНИЕ 2

О ПИЩЕВАХ И НАПИТКАХ В СССР

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Елена Волкова

КАРУСЕЛЬ

Вологда 2001

K-1545987

1

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ЗДРАВСТВУЙ, ВОЛКОВА
(парафраз заголовка известной повести
Е.Волковой “Здравствуй, Сомова”)

Первое майское 2001 года заседание ЛитАРТели “СТУПЕНИ” таило сюрприз: Елена Волкова, забывшая дорогу к родному куреню, вдруг ее вспомнила и решила прочитать свой новый рассказ “Карусель” (журнал “Мезон” № 4). Артистичное исполнение добавило тексту юмора и нежности, публика смеялась и аплодировала. Однако автор потребовала критики и таки ее получила.

Что автора волнует в первую очередь? Первично или вторично написанное.

В. Архипов, не любящий прямолинейных оценок, сказал, что это лучше, чем Клара Новикова, лучше, чем Сомова (прежняя героиня Волковой), лучше, чем многое. Ситуации угаданы лучше. Скажем, бежит из солярия “девчонка 69 лет”, а по слухам, сейчас в моде путанки такого возраста. Все это страшно остроумно, хорошо написано, легко, “я могу сказать – русская Хмелевская, пускай без детективного начала”. Есть ли художественные особенности? Об этом надо спросить Вадима Блинова, он способен опознать все. Конкретно: обращения к людям - перебор, героиня интересна сама по себе. Еще плюс – героиня не похожа на автора. Прелестно читается, но автор как будто оправдывается. Явный недостаток – забытовизировано. Вообще, когда рассказ хорош, трудно говорить.

Трудно было говорить и Руфи Рафалович, которая при всей строгости подхода нашла мало ошибок. Диалоги посчитала лишними, главное достоинство – в неповторимой лирической интонации. Говорили также о некоторой рыхлости композиции, об ослабленности финала. Но всякий раз оправдывались – “Вообще хорошо”,

Лишним счел эпизод с солярием Жорж Вандышев. Ната Сучкова решила, что Волкова продолжает традиции Марка Твена, а если говорить в общем, то рассказы Волковой определяются как гендерно-социальная проза с элементами эротики. Рассказ явился бенефисом Волковой после долгого молчания. Случайность? Или заявка на нестареющую лирическую тему?..

Елене Волковой не нравится ее творчество. Будь ее воля, она бы запретила себя печатать: ведь это «мелко, пошло, вторично» - говорила бы она о себе. У Елены Викторовны много друзей. Иногда, собравшись тесной компанией с жаждой повеселиться, эти друзья заводят свой обычный разговор о литературе, который становится особенно невыносимым после первой рюмки.

- Волкова, когда же ты, наконец, начнешь писать повесть?

Чтобы не затягивать со второй, приходится отвечать:

- Ну, напишу, напишу...

Обещание дано – и она пишет очередную пародию. Отсюда ясно, что стихия Волковой – юмор и пародия. Творческий багаж писательницы включает также короткие шуточные новеллы, героини которых попадают в самые запутанные ситуации, но при этом не теряют присутствия духа: “Ах, какая женщина”, “Как ты хочешь, милый”, “Карусель”. Некоторые сравнивают ее с Кларой Новиковой, некоторые – с Тэффи, но на самом деле у Волковой свой неповторимый стиль, который помог ей обрести свою читательскую аудиторию.

Елена Волкова родилась в Тольятти в 1967, попала в Вологду выпускницей политехнического института, работала на подшипниковом заводе инженером, комсомольским инструктором и корреспондентом газеты «Вологодский подшипник», ведущим автором и диктором заводского радио. Нынешнее место работы – областное радио. Длительное время шутки Волковой оживляли заседания литературной артели «Ступени», которой исполнилось в 2001 году 30 лет. Там не однажды широко обсуждался цикл рассказов «Здравствуй, Сомова», который сейчас готовится к печати... Или не готовится? Мнения по этому поводу разошлись. Автор Волкова считает его устаревшим, волкоманы – вечно актуальным. Перед вами новые рассказы Елены Волковой. Рассказ «Пересортица» написан в соавторстве с Ольгой Кузнецовой. Сладкого вам чтения.

Слетни собраны Тамарой Сизовой

“КАК ТЫ ХОЧЕШЬ, МИЛЫЙ”

— Просыпаешься ты в восемь. Ребенок уже в детском саду. Я выхожу из кухни, непременно в белом переднике, и подаю тебе кофе...

— С лимоном!

— С лимоном, конечно, с лимоном. Легкий фруктовый салат со взбитыми сливками, бутерброд с маслом...

— Масла побольше!

— Побольше, побольше... Ты завтракаешь прямо в постели, а потом идешь принимать душ.

— И обливаться холодной водой...

— Очень холодной, со льдом. Я тем временем бегу на работу, отмечаюсь в табельном и быстро бегу обратно, чтобы приготовить тебе второй завтрак.

— Только быстро.

— Со всех ног бегу я на работу и обратно. На второй завтрак у нас, ну, скажем, блины с вареньем...

— Блины должны быть толстые.

— Толстые, румяные, дырчатые. Варенье на выбор — земляничное, айвовое и облепиховое.

— Облепиховое ешь сама.

— Хорошо, облепиховое съем сама.

— А мне что — голодом сидеть?

— У тебя полная тарелка блинов — толстых, румяных...

— Ты всегда печешь мало.

— Это ты их съедаешь. Я сам видел — снимешь со сковородки и сразу в рот. Думаешь, мы тут из-за стола не видим? Мы все видим...

— Ну, ладно, ладно. Пусть все будет - как ты хочешь, милый!

— Да, конечно, одни слова...

— Значит, блинов не надо?

— Как это не надо? Кто это тебе сказал — “не надо”? Блины! И побольше, потолще, с вареньем. Но обязательно еще со сметаной, а маслом ты их помажешь сразу же, как только со сковородки снимешь. Да не желей, не-жа-лей!

— К блинам я буду подавать тебе чай с травами — зверобоем и мелиссой.

— В большом бокале.

— В самом большом бокале.

— Нет, ты не знаешь, как надо правильно заваривать.

— Заваривай сам.

— Только бы отговориться. Только бы ничего не делать.

— Ты не хочешь послушать, что у нас будет на обед?

— Кто это не хочет? Это ты не хочешь. И вообще, про еду ты рассказываешь... как-то неаппетитно!

— Хорошо, рассказывай сам.

— Ну, ничего не делает! Только бы все свалить на меня.

— Слушай, милый. Мы сидим на берегу реки, наслаждаемся пробегающими мимо облаками. Я, что

бы сделать тебе приятное, заметь — делюсь с тобой своими гастрономическими фантазиям, в то время как у нас ни копейки денег. Холодильник пуст, как скошенное поле, — по твоей, заметь, вине. И ты...

— Вот-вот, только бы ругать мужа. Только бы есть его живьем, только бы ошипывать его, как куру, потрошить, шпиговать, нанизывать на вертел, чтобы сразу в духовку и выпекать при температуре 180-200 градусов...

— Ты хочешь на обед куру?

— Я люблю куру-гриль. Корочка должна быть золотистой, но не коричневой. И никаких соусов. Их не принимает мой желудок.

— Соус придает пикантности блюду. К тому же я всегда недосаливаю, что является, кстати, скорее плюсом, нежели минусом моей кухни.

— Скажи еще, что “это полезно”.

— Это полезно, милый.

— Все, что полезно — невкусно. И вообще, все, что вкусно — или вредно, или аморально, или заработано нечестным путем.

— Поэтому наш холодильник пуст, как скошенное поле.

— А что у нас на ужин?

— Ужинов тоже будет два. Сначала легкий — часов в пять. Несколько пикантных салатов, кусок отварного мяса, который я запеку в духовке, обмазав майонезом. На десерт — мороженое, украшенное кусочками бананов и киви.

— Неплохо.

— Позже, часов в семь, я подам тебе рыбу. Отдельно я растоплю сливочное масло и покрошу туда вареное яйцо.

— Это называется рыба под польским соусом.

— Я хотела избежать слова “соус” — ведь все как ты хочешь, милый...

— Лишь бы полагаться только на меня.

— Как ты хочешь...

— “Милый”?

— О! У меня появилось идея.

— Еще один ужин?

— Нет. Теперь я хочу поделиться с тобой своими эротическими фантазиями.

— Та-а-ак! Значит, польского соуса не будет?

— Эротические фантазии, милый. Все будет - как ты хочешь.

— Я хочу рыбы.

— Нет, послушай. Ты просыпаешься в восемь. Ребенок уже в детском саду. Я появляюсь перед тобой в одном белом переднике... На подносе кофе...

— Со сливками!

— Обязательно со сливками. Легкий фруктовый салат придаст тебе бодрости, и ты...

— А бутерброд с маслом?

— Это уже второй завтрак. Но сначала ты развяжешь на мне передник...

— Нет, кофе может остыть.

— Мы сварим другой.

— Как это другой? А этот что — выбросить? К тому же после завтрака я привык принимать душ.

— Мы примем его вместе.

— Ты будешь мешать мне обливаться холодной водой.

— Нет, я в это время медленно буду гладить тебя по...

— В это время ты будешь разделявать мясо для обеда. Учти, я люблю крупные куски.

— А когда же...

— Вечером.

— Вечером у нас два ужина. Я просто не успею надеть белый передник, чтобы ты развязал его на мне.

— Сначала ужин. Потом ты помоешь посуду, я вынесу мусор...

— Завтра рано на работу, но я могу сбегать отметить в табельном и тут же прибежать обратно, чтобы приготовить тебе второй завтрак. Чай на травах, блины с вареньем...

— Блины должны быть толстые...

— Толстые, дырчатые...

— Чай непременно с лимоном. Я заварю его сам, ведь ты не умеешь заваривать.

— Как ты хочешь, милый...

“АХ, КАКАЯ ЖЕНЩИНА!”

*... У каждой женщины
должен быть свой “коврик”,
на котором она могла бы
свернуться клубком, в дни
жизнейских потрясений...*

Жила-была Наталья Николаевна. У нее была большая семья, большая квартира и большое сердце. Наталья Николаевна щедро делилась первым, вторым и третьим. Она принимала в свою семью новых членов, пускала в свою квартиру зятьев и внуков, а в сердце — разнообразных читателей и подписчиков.

Однажды к ней в дверь постучали.

— Кто там? — спросила Наталья Николаевна, выглянув из кухни, где она варила борщ для мужа, жарила котлеты для сына, пекла блины для зятя и тушила мясо для внука.

— Это мы — твои дочь, сын, семь внуков и их приятели, — ответили из-за дверей.

— Что ж вы стоите, как неродные? — распахнула дверь Наталья Николаевна и, позвав мужа Вовку, стала накрывать на стол. Она достала сервиз на 36 персон, сбегала к соседям за стульями, а муж в это время снимал дверь с петель, чтобы поставить стол через две комнаты.

В дверь снова постучали.

— Кто там? — спросила Наталья Николаев

на, выглядывая из ванны, где она застирывала ползунки младшенького.

— Это мы — редакция газеты “Вологодский подшипник”, нас пятеро, но мы голодные.

— Что же стоите, как неродные? — привычно распахивая дверь, сказала Наталья Николаевна и, позвав Вовку, стала раскладывать горячее.

Первые две 10-литровые кастрюли сразу же опустели.

В дверь настойчиво стучали.

— Кто там? — спросила Наталья Николаевна, неся в комнаты 20-литровое ведро с дымящимся мясом.

— Это я, Марья Антоновна с внуками и закусочным салатом, который я приготовила еще летом, но в банки закатать так и не успела.

— Что же ты, Маша, как неродная? — сказала Наталья Николаевна, открывая дверь правой ногой, и, позвав Вовку, приняла от Марьи Антоновны небольшой, пудов на пять, бочонок с салатом.

Гости, между тем, уже веселились, поднимая тост за виновницу торжества. В дверь непрерывно стучали.

— Что же мы — неродные, что ли? — говорили все новые и новые родственники, знакомые, сослуживцы, мужики по имени Шурик с трехлитровыми банками свежеподоенного молока, соседи Подоляки, пенсионеры с бесплатной подпиской на газету “Вологодский подшипник”, внештатники

кого клуба, приурочив их ко дню рождения Натальи Николаевны. Чтобы каждый раз не открывать дверь, Вовка снял ее с петель, а чтобы усаживать проходящих гостей, столы протянули через лестничную площадку к соседям.

— Что же вы — неродные, что ли? — сказали соседи и стали накрывать в своих квартирах.

Последней пришла слегка запыхавшаяся Валентина Андреевна. Она вошла в квартиру и села в специально приготовленный электрический стул.

— Приятно потряхивает, — сказала она гостям и разрешила начать.

Первые 10 -15 тостов пили только за здоровье именинницы, пока наконец кто-то заметил, что самой Натальи Николаевны нет среди присутствующих, и на кухню был послан гонец. Он вернулся через полтора часа и сказал, что виновница торжества макетирует очередной номер газеты и просила не обращать на нее внимания, продолжать праздновать, пока не кончатся запасы из кессона, которые Вовка сейчас подтаскивает к подъезду.

Гулянка затянулась на три дня, последней ушла Валентина Андреевна. Закинув выпачканный в соусе шлейф за плечо, она, покачиваясь на каблуках, обнимала Наталью Николаевну, которая в это время варила борщ для мужа, жарила котлеты для сына и пекла блины для дочери, пока та кормила младшенького мясом, - и говорила:

чтоб мне никогда начальником бюро по учету рабочего времени не работать...

Когда Валентину Андреевну отнесли до дому, воцарилась тишина. На кухне мирно толклись пятеро детей, в комнате тихо возились восемь внуков, в гостиной Вовка споро убирал со столов.

В дверь постучали...

Вологда, 1997

ПРИЗНАНИЕ

Если бы я не родилась женщиной, я бы обязательно родилась мужчиной.

Мужчины! Я любила вас с детства. Увы, эта любовь не была взаимной. Я любила, как правило, мужчин высоких, щедрых и смелых. Но те, как правило, любили других женщин, а вместо себя подсылали маленьких и скупых. Скупым льстит широта женской натуры, маленьким - идти рядом с высокой женщиной по улице, показывая тем самым, что и они, если подпрыгнут, могут кое-чего добиться в жизни.

Однажды вечером в дверь постучали.

“Я так давно тебя не видел”, - сказал Батогов - между прочим, это его настоящая фамилия, пусть ее узнает широкая общественность.

“Но меня ждут. Нас трое и нам не хватает. Дай мне, скажем, десять”.

Я дала ему 10, потом еще 25, а потом еще рубль, так как уже появились сомнения.

С тех пор прошло 7 лет. Однажды я встретила его в троллейбусе.

“Я так давно тебя не видел - начал Батогов, - но меня ждут. Нас трое и двое из нас уже нервничают”.

Однажды в дверь позвонили.

-Это ты - удивилась я.

Мужчину звали, кажется, Алексеем. Впрочем, широкой общественности это ни к чему.

-Я проездом, - сказал он, - мы перегоняем грузы. Я их охраняю. У меня есть пистолет. Хочешь посмотреть. Или давай я тебя сразу поцелую.

-Я ждала тебя на остановке год назад, Мы хотели встретиться в 10.

-А я уехал. Ты знаешь, я тогда работал инкассатором. Меня вызвали.

-А я ждала 15 минут. Порядочные девушки больше ведь не ждут.

-Я не мог. Горел дом. Я выносил из него несгораемый сейф.

Шло время. В мою дверь стучали, но это были уж совсем не те мужчины и нуждались они уж совсем в других женщинах.

О, это был настоящий мужчина. Наверное, я впервые смотрела на него снизу вверх. Мало кто поймет эти ощущения, ощущения женщины, привыкшей с детства вкручивать лампочку в люстру, не вставая на табуретку.

-Юра, - сказала я ему, - да так его и звали, чего тут скрывать, - я хочу взять у вас интервью. Но Юра был парень не промах, он знал нашу сестру как облупленную. Сначала интервью, потом "что ты делаешь сегодня вечером", а у самой только одно на уме. Он исчез. И только выговор, полученный мною от редактора за несданные в газету, по причине романтического загула строчки, еще какое-то время подогревал вызванную было нелюбовь к мужчинам вообще и настоящим в частности. Однако не тут-то было. Приближалась весна. Когда все, решительно все манит в кусты. Когда на деревьях появляются почки, а на улицах - все больше настоящих мужчин. Когда пересматриваются взгляды на жизнь, причем не в лучшую сторону, как выясняется осенью. И каждую весну уже который раз я перефразирую тысячу раз перефразированное: Мужчины, я люблю вас, будьте бдительны.

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. М. В. Бапушкина

1545987

КАРУСЕЛЬ

- Вы будете смеяться, но у меня есть моральные принципы.- Да нет, я не буду смеяться...

Небо было такое звездное, что я не могла найти даже Большую Медведицу. А уж Большую Медведицу могут найти все.

- Вы куда Большую Медведицу дели? - спрашиваю. - Продали... чтобы районный бюджет пополнить.

- Нет, вы слышали, он продал большую Медведицу!

- Ну и что, в Вологде уже все небо продано - областной бюджет тоже пополнять надо.

- Звездное небо над нами продано, а как быть с нравственным законом внутри нас?

- Вы будете смеяться, но у меня есть...

- Мы не будем смеяться, - сказали они и засмеялись.

Эх, люди. Вы смеетесь надо мной и не знаете, что мне одновременно в голову приходит сразу несколько взаимоисключающих мыслей. Обижаться на вас, люди, бесполезно. Любить вас, люди, невозможно. А обижаться, любя - не хочу и не буду.

... Это было любопытное приключение... Вообще, я всегда придерживалась того мнения, что если у женщин есть хотя бы женская логика, то у мужчин -нет никакой. Лично я предпочитала определенность - пусть даже мрачную - какому-то поэтическому разброду. То он внезапно уехал в Череповец, то его вызвали, то надо выгуливать собаку, то дочку. То есть наоборот. Мужская непредсказуемость почище женской. Женщина никогда не придет на свидание с ребенком и не попросит присмотреть за ним, пока она будет записывать срочный сюжет. Мужчина же едет на свидание, чтобы, во-первых, позвонить с вашей работы, причем в другой город, во-вторых, распечатать с дискеты свой новый рассказ, в-третьих, использовать вас по вашему прямому назначению. Нет, это не то, о чем вы подумали. То, о чем вы подумали, вообще может не состояться. Это второстепенно, или нет, четвертьстепенно. Впрочем, это мои личные наблюдения. Будем считать, что мне просто не повезло. Хотя, почему не повезло. Мне повезло. Это был даже где-то знаменитый мужчина. Кстати, в чем отличие знаменитого мужчины от не знаменитого? Вы будете смеяться - ни в чем.

Ни в чем, кроме одного... да нет, это одно тоже мало чем отличается. Ну, если только... Впрочем, не в размерах дело... И чтобы никто не успел нас застать, он быстро вскочил и, впотьмах, надел мою рубашу. Если бы это было платье - он надел бы платье и быстро бы побежал к гостям. Главное - чтобы никто ничего не заметил. Оказывается, это главное. Вы все время надрывно спрашиваете: "Что главное в этой жизни?" А я вам отвечу - главное, чтобы никто ничего не заметил. Мы для этого живем. Чтобы в 80 лет, когда к тебе придут правнуки и спросят... да не придут к тебе правнуки, и до 80-ти ты не доживешь. И женщина эта, чью рубашу ты напялил в темноте, не придет. Женщины хоть и живут долго, но обижаются часто.

Кстати, когда я, наконец, поняла, что, в принципе могу соблазнить любого мужчину, мне исполнилось 69 лет. С утра я сходила в солярий, встретила там старую (Старую!) знакомую. "Боже, какая она старая", - подумала я и поняла по ее глазам, что она то же самое подумала обо мне. А ведь мы ровесницы. "Что ей надо - в ее 69 лет - в солярии?" - подумала я. Что подумала она - вы уже поняли.

Мы вышли, оживленно болтая, и чуть не попали под машину. "Девчонки, - крикнули оттуда, - вы куда бежите - такие загорелые?" Вечер обещал быть приятным.

Вы удивлены? В 69 лет - и девчонки. Не удивляйтесь. Вчера мне было 23, а сегодня с утра я не дал бы себе меньше 50-ти. Что с нами делает ночь... Однако, про звезды. Звезды жались друг к другу и даже месяц, не найдя себе места в небе, опустился чуть ли не на крыши домов. Еще чуть-чуть и он сядет на трубу, а из нее вылетит ведьма... Да, вот и она.... Прежде чем надеть впотьмах мою рубаху, он еще и перекрестился. "Что же ты крестишься, будто я ведьма какая? Ну и чем знаменитые мужчины отличаются от других мужчин? Ничем, кроме повышенной тревожности. Вероятно, в этом секрет успешности. Будьте тревожнее, если хотите стать знаменитыми. Он перекрестился и вышел к гостям с отсутствующим выражением на лице. Общее заблуждение, идущее все от того же - от отсутствия у мужчин хоть какой-то логики. Ну, сами подумайте, с чего это у мужчины в разгар общего веселья на лице вдруг появляется деловая озабоченность. Глупо и нелогично. То ли дело у нас, женщин. Во-первых, мы никогда не перепутаем, пуст даже в темноте, наши колготки с их штанами. Во-вторых, по нашим лицам сразу можно понять - где, сколько раз и, главное, с кем мы были. А мы были. И не раз! И на лицах наших отража

лась вся, как это называется, гамма чувств - от детского восторга до глубокого разочарования. И, я бы покривила душой, если бы сказала, что последнее мне нравилось меньше первого. Невозможно все время испытывать детский восторг, а глубокое разочарование - оно даже где-то украшает. Если не перебарщивать и тщательно наносить косметику.

- Я разочаровал тебя?

- Чтобы разочаровать меня, ты должен был для начала очаровать. А ты так мало для этого старался.

... Звезды начали бледнеть, и пропали вовсе. И Большая Медведица - никуда ее, оказывается, не продали, и никакой бюджет не пополнили, а жаль. И месяц слез с трубы, в которую тут же метнулась женская тень, верхом на метле. Что вы креститесь, бросьте, это фантазии... Над озером вставало солнце.

ПЕРЕСОРТИЦА

Звонок в районном отделении милиции раздался в 19.40. Звонила женщина. Дежурный сразу понял, что она прикрывала трубку платком или шарфиком – чем еще может прикрывать трубку женщина, желающая остаться неизвестной.

Городок был такой маленький, что здесь все знали друг друга не только в лицо и по имени, но и по голосу в телефоне.

-В общепите пирожки пекут из второго сорта, а продают по цене высшего,- сказала трубка, и сразу же запищало...

“Ну, бабы”, - подумал дежурный, чувствуя, как что-то неприятное закрадывается в мозг. В общепите работала любимая женщина его начальника - Сергея Севериновича. Поэтому дежурный решил, что звонившая попала не туда, расслабился и вернулся к кроссворду: “Автор изречения – “Кесарю Кесарево...””

На следующий день в милицию пришло анонимное письмо о том, что “пекут из второго сорта...”, через неделю об общепитовском “беспределе” знали уже в райпо, местной газете и, что самое страшное, областной администрации.

-Надо разобраться, - сказал местный прокурор.

Прокопчук своему дружку по рыбалке – местному начальнику районной милиции майору Орлову.

-Разберемся, - ответил Сергей Северинович. И начал разбираться в тот же вечер, лежа в постели с женщиной всей его жизни – Ниной Аркадьевной Никулиной, заведующей общепитом Захаровского райпо.

Нина была просто прелесть. Никаких вам пергидрольных локонов, пышных бюстов и голубых теней. Размер 44-й – не больше, роста среднего, особых примет нет, ну, разве что шрамики маленькие от эндоскопической операции - три бледных крестика, как следы от трех пулек, так и не прошедших навывлет.

У Нины был железный характер, единственной ее слабостью, как считал сам Орлов, являлся он сам – красивый, добрый и умный, хоть и не полковник в свои 48.

-Нина! Ты пойми, если начнут разбираться по закону – минимум три, максимум семь.

-Лет?

-И зим тоже.

-Не-е, семь я не могу. Кирюха через семь лет, школу заканчивает, ему надо в институт поступать. На переводчика,- решительно не согласилась Нина, ко

торая планировала свою жизнь и жизнь близких по неделям, месяцам и кварталам. В конце года она подводила баланс. Обычно он складывался в ее пользу. Несмотря на то, что баланс – равновесие то есть.

-А моя Юлька уже через год поедет, - не к месту расчувствовался Орлов.

-Она похожа на тебя... Да и Кирюха тоже. Хорошо, что муж не ревнивый, - и Нина посмотрела на Орлова как тогда – много лет назад, когда они впервые...

-А моя вообще – курица слепая, - Орлов мог быть грубым, если, конечно, старался.

-А вот этого не надо! Не надо плохо о женщинах, - сказала Нина, которая о феминизме ничего не слышала, но каждый день боролась с неравенством, особенно в материальной сфере. “У женщин должно быть много денег. Гораздо больше, чем у мужчин. Ведь у нас такие расходы”, - думала Нина.

... Следствие было недолгим, потому что в том мае клевало хорошо, а что еще следакам делать, если окна райотдела выходят на озеро и майор Орлов как-то особенно проявляет чуткость, выделяя то УАЗик для поездки в Усть-Каменское, то рассказывая, какие ги-

гантские судаки прямо-таки сами в сетки лезут.

-Ты езжай, езжай, и моей жене на рыбник привезешь...- говорил в середине рабочего дня следователю Кузнецову майор Орлов. И показания снимать было уже некому.

Дело закрыли. Вернее, его замяли. Еще точнее – лещи, судаки и шуки, закопченные в общепитовской коптильне, смогли убедить правоохранительные органы в том, что Нина Аркадьевна Никулина к делу “О пирожках” совершенно не причастна. Самих пирожков не нашли – они давно уже были съедены. В меню выпечные изделия не значились. Никаких следов муки как высшего, так и второго сорта ни на складе, ни на кухне обнаружить не удалось. На вопрос: “Что же вы, муку вообще не используете?” был дан ответ: “Вообще”.

Нину попросили расписаться в протоколе, а вот подписку о невыезде деликатно не взяли. Поэтому она решила, что надо уезжать. Нет, не сразу решила, а только через неделю, утомившись ловить на себе косые взгляды захаровских обитателей. Обструкция, устроенная ей обществом, выглядела смешно, но жить в такой атмосфере она не могла.

значили на четверг.

Расставание было мучительным. Орлов плакал, Нина диктовала ему свой новый адрес. Она уезжала к сестре, забирала с собой уже похожего на Орлова Кирюху, бесплодного и беспутного мужа Саньку и кошку Сюзанну. Нина уезжала, а майор оставался и ему очень хотелось построить весь городок на единственной площади и заставить всех заткнуться - перестать чесать языки, и навсегда забыть об этих идиотских пирожках. Тоже мне – бизнес. Лишняя сотня все-то, и из-за нее рушится жизнь двух замечательных людей. Орлов смотрел на отъезжающую машину из окна своего райотдела и понимал, что должен, наконец, совершить какой-нибудь настоящий мужской поступок.

...Теплым майским вечером запыленный “Москвич” тормознул около придорожной палатки. Худенькая – размер 44-й, не больше – женщина торговала пирожками. Выбор был королевский – пирожки с луком и яйцом, с капустой, с клюквой, с яблоками, с творогом, с мясом – конечно же, диетические бездрожжевые лепешки с пшеном, просто булочки-витушки, курники и расстегаи, открытые со сметаной, закрытые и по-особенному защипанные с палтусом, рогульки с маком, коржики школьные, посыпанные сахарной пудрой, изящные рулетики с абрикосовой пастилой, сленки с вишней, лимоном или сыром, уральск

- Что же я тебе, Наташа, не родная, что ли? Да я твою газету в рамке, под стеклом храню, кланусь, - кие пироги с сырой картошкой и луком, приправленные лавровым листом, обычные деревенские посыпушники, рогалики из пресного теста, ореховые печеньица, ванильные кексики и, где-то уже совсем в глубине этого изобилия, огромные ромовые бабы – рыхлые, мокрые, щедро облитые молочно-белой глазурью. В качестве особого предложения поодаль стояли куличи - завтра была пасха.

Водитель, выбежавший за пирожками, никак не возвращался. Его не дождались, пошли посмотреть. Долго молчали, подавленные. Первой пришла в себя пожилая дама, которая все это время смотрела не столько на пирожки, сколько на пирожницу.

-Нина! – тихо сказала она.

-Светка! – ответила та.

Торговать пирожками поставили сына Нины – Кирюху – студента 5 курса факультета военных переводчиков Питерской военной академии. Сами сели тут же, за пластиковые столики, достали из багажника все наличное спиртное, а закусывали пирогами – кому с чем попадет.

Светлана Ардальоновна Мухина двенадцать лет назад работала вместе с Ниной Аркадьевной. Именно она пекла те роковые пирожки, которые внезапно изменили жизнь стольким людям. Сейчас Света мало

Решетовы с новыми заметками про концерты Аллы Пугачевой, которые певица специально дала в помещении заводспила и почти не ела, все время что-то не договаривая. Нина же так обрадовалась этой гостье из прошлого, что ее неожиданно прорвало. Странно, она ведь уже стала немногословной интеллигентной женщиной:

-У меня все хорошо. Кирюха отличник, муж на заводе во вневедомственной охране, дома три кошки – правнучки Сюзанны, помнишь? С земляками иногда вижусь – вот Сергей Северинович вчера заезжал, он в Питер перебрался. Ну, а ты?

-Я на пенсии, - грустно отвечала Света. - Дача, телевизор... Зимой, конечно, скучно, весной иногда куда-нибудь езжу – вот приятели с собой захватили покататься. Ну, а ты?

-У меня все нормально. Кирюха собирается жениться. Внучок уже намечается. Или внучка...

-А я... - и Вера замолчала.

Пирожками объелись, а они все не кончались, Кирюха носил тарелки – туда-сюда, туда-сюда.

Света все собиралась сказать, открыться. Вина мучила ее – непроходящая вина человека, который думал, что его никто не поймает, а, оказалось, что он уже пойман самим собой. Таким же теплым маем 12 лет назад Светлана Ардальонова позвонила в милицию и, закрыв трубку носовым платком, сказала:

- В общепите пирожки пекут из второго сорта, а продают по цене высшего.

А анонимки она опустила в почтовый ящик еще накануне. Думала – снимут Нину, а она, наконец, станет получать на целых 20 рублей больше! Нину тогда не то что сняли – а так, как-то, все само собой получилось – уехала она, а новым начальником общепита поставили молодую выпускницу Московского института пищевой промышленности. Ни уха ведь, ни рыла, только что - высшее образование – единственное в райпо...

Нина все рассказывала про Кирюху, про будущую свадьбу, про беспутного Саньку, про положительного Сергея Севериновича.

- Дочка у него, красавица, уже снимается в видеоклипах – видела, наверное, “Ах, мой милый-милый-милый Августин” – третья во втором ряду.

Наговорились, обменялись адресами, обнялись, заплакали. “Москвич” прощально бибикнул и поехал прочь.

-Ну, мама, - сказал Кирюха, - у тебя и прошлое!

-Обыкновенное темное прошлое, - Нина опять стала немногословной, достала из-под белого передника телефон, набрала номер:

-Мы едем.

Трубка заговорила скороговоркой. Нина выслушала, ответила жестко:

-Мастера вызвали?.. Замеры сделал?.. Ладно, не паникуйте. Ерунда какая – печь сломалась... Контейнер с дрожжами из Франции пришел?

Трубка ответила утвердительно и тут же была отключена. Кирюха в это время уже выводил спрятанный в кустах микроавтобус, чтобы увести домой свою странную мать.

Каждый год перед Пасхой она устраивала ему этот аттракцион. С утра они заезжали во все свои пирожковые, быстро и закулочные, отбирали продукцию, грузили ее в микроавтобус и ехали на оживленную трассу С-Петербург-Хельсинки. Мама наряжалась в белый передник и нарукавники, вставала за прилавок и торговала. Хорошо хоть весь этот кошмар случался только раз в году – в конце апреля-начале мая. Иначе, Кирюха бы подумал, что у Нины Аркадьевны Никулиной – председателя совета директоров АО ЗТ “Общепит”, депутата Питерской Думы, почетного Президента клуба деловых женщин Санкт-Петербурга, владелицы целой сети ресторанов, баров и закулочных, то есть – у его мамы – просто какая-то “деменция прекокс”.

Так называлась старческая болезнь, влияющая на мозги. Кирюхе нравилась латынь, он намеревался и ее добить, а сейчас овладевал португальским. Три основных европейских языка были уже позади.

Нина никогда не объясняла сыну своей “деменции”. Молчал и близкий друг семьи – Сергей Северинович Орлов. И только Санька – Нинин муж – иногда пытался навести порядок в семье. Он выходил из себя, постукивал ручонкой по столу, требовал объяснить ему, наконец, что все это значит.

-Все нормально, - отвечала Нина, - вспоминаю молодость.

-Молодость она вспоминает, - ярился Санька, - вон она, твоя молодость, по-японски со мной разговаривает.

-Кстати! – откликнулась Нина, - а давай опять в Японию съездим?

БОЛЬШИЕ БАБЫ

Светало. С утра Степану было не по себе. Налил было чай – отставил. Хмуро почесал бороду, крепко задумался.

-Закурю, - решил Степан.

-Опять напье-чч-а, - услышал он голос Алефтины. - что ж ты ее жрешь, отраву?

-Так не тебя же, - буркнул Степан.

-Кабы ты знал, как я тя ненавижу-то, - оживилась Алефтина.

-А я... я... Как я котов-то твоих ненавижу...

На этом склока в семье Балакиных обычно заканчивалась. Каждый шел заниматься своим делом. Алефтина толкла яичную скорлупу, а Степан отправлялся во двор набрасывать на себя сеть. Он искал дыры.

-Хоть мух побей, дармоед, - кричала обычно ему вслед жена.

Распутывает Степан сеть и думает:

-Ну, продам я их.. А ну – продешевлю! А не продам.... А ну – прогадаю.

... Пять лет назад Большебабский леспромхоз стараниями его директора Кудахина был преобразован в АО. Как водится, напечатали акции, провели первую

эмиссию, три раза гоняли директорский УАЗик в область Устав утверждать. Бензина пожгли немеряно.

После утверждения Устава нагнали самогона, закололи поросенка и начали новую жизнь. Леспромхоз стал теперь называться “АО Большие Бабы” и..

-Алефтина! Распутай меня, - крикнул Степан со двора, заваливаясь на бок.

-Да что ж ты некузявый какой, - говорила Алефтина, - не мужик, а морхлая пендюрка, - и привычно распутывала Степана.

На курином дворе зазвонил телефон. В Больших Бабах телефоном народ не удивить. Когда свое АО создали, сразу телефонную станцию закупили. Поговаривали даже, что у Кудихина в кабинете будто бы факс какой-то есть.

Тогда, пять лет назад за дело дружно взялись. В первый год даже прибыль получили. Про “Большие Бабы” узнали в области. Приехал вице-губернатор, целый день рыбачил, в бане парился, кур ему коптили, три раза за коньяком в райпо посылали. Бензину пожгли уйму. Предлагали даже на дельтаплане покатать, но шлема по размеру не нашли.

Вице-губернатор успехами АО остался доволен. Особенно ему понравились Большебабские девицы из фольклорного трио “Голубка моя”.

— Я пеку, а ты сразу съедаешь. Если бы ты подождал хоть чуть-чуть, их было бы много.

После первого визита гости зачастили – из района, из области, даже из федеральной службы занятости. “Голубок” три раза на областное телевидение возили. Бензину пожгли...

И когда в конторе обнаружили первый “e-mail”, Кудахин только и мог сказать:

-Ё-моё!

В e-mail-е просили отгрузить 58 кубометров фанерного кряжа. К тому времени в Больших Бабах уже появился свой деревообрабатывающий цех...

Когда же в поселок приехали хорошо одетые мальчики в белых рубашках? Точно вспомнить не мог никто. Только через пару недель прошел слух, будто бы вздымщик Васька Петухов продал им свои шестьдесят две акции. Но от него другого и не ждали – алкаш. Несколько дней Ваську никто не видел. Кудахин послал Степана выяснить – куда это их вздымщик задевался.

Клавдия – жена Василия – чистила стаю и разговаривать со Степаном не стала:

-Уйди, собутыльник...

-Какой я теперь собутыльник, - вздохнул Степан. – Акционеры мы с Васильком твоим...

Хотел Степан было уж возвращаться, только видит – пыль столбом на дороге. И все ближе к Васькиной халупе. Въезжает прямо в навозную кучу новая розовая “десятка”. Дверца распахивается и Василий – непривычно выбритый, аккуратно стриженный, роскошный до неузнаваемости, в белом твидовом костюме картофельным мешком вываливается наружу.

С водительского места поднимается лысый коротышка и нагло спрашивает, глядя на Клавдию:

-Это, что ли, Большие Бабы?

И Клавдия от неожиданности вдруг отвечает ему:

-Йес!

Новую “десятку” обмывали всем посадом. Виножник торжества обсыхал на полатах. Лысый коротышка оказался хватким мужичком. Акционеры, слушая его, обомлевали и забывали закусывать.

-Сидим мы, значит, с пацанами, - говорил коротышка, - утро раннее – часов одиннадцать. Вдруг появляется этот ваш, говорит “Я из Больших Баб”. Мы ржать. А он – хочу, говорит, крутую тачку. Ну, мы ему эту розовую дуру и впарили. Потом оказалось, что он водить не умеет. Пришлось за полштуки мне машину перегонять в ваши Большие... - тут он глянул на Клавдию.

-А Клавдия-то сегодня в город ездила. Коротышка ее возил. Приехала стриженная – ровно квач для побелки...

Что творилось в поселке в следующий приезд мальчиков в белых рубашках! Они скупали акции АО “Большие Бабы” по цене подержанных “Жигулей”.

Треть акционеров мгновенно перестали ими быть. Бабы хвастали у колодца новыми автоматическими зонтами и темными очками. А когда бабка Зоя поехала в район вставлять фарфоровые зубы, Кудяхин понял, что пора вмешаться:

- Родину продаете, сукины дети! – кричал Кудяхин.

- Чего продаешь? – не расслышала глуховатая бабка Зоя, хищно блестя новыми зубами.

... Теперь в московском автосалоне, который открыл для Больших Баб вздымщик Васька, утро начиналось одинаково. Ровно в 11 в дверях появлялся очередной странный посетитель.

-Вы из Больших Баб! – радостно угадывал продавец-консультат.

- Да, - отвечал тот, - мне это... “десятку”... розовую.

- Давно вас ждут! – и продавец – резвый мальчик в белой рубашке - привычно распахивал дверцу машины.

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй, Волкова! (предисловие).....	3
Рассказы	
Как ты хочешь, милый.....	6
Ах, какая женщина.....	11
Признание.....	15
Карусель.....	18
Пересортица.....	23
Большие Бабы.....	33